

О ПРИНЦИПЕ ДИНАМИЧНОСТИ ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ

© 2013 г. А. А. Белоусов¹

Краткая аннотация: по мнению автора, подвижность (изменчивость) структурных связей между абстракциями зависит от целей и потребностей общественной практики, что обуславливает подвижность содержания самих абстракций.

Annotation: according to the author, a mobility (mutability) of the structure connections between the abstractions of the legal concept depend on purposes and needs of a social practice that condition a mobility of content these abstractions.

Ключевые слова: правовое понятие, принцип, динамичность, термин, абстрактный ряд, норма права.

Key words: legal concept, principle, dynamics, term, abstract line, rule of law.

Философский постулат “движение – важнейший атрибут материи, способ её существования” в самом общем виде включает в себя все происходящие в природе и обществе процессы. Движение определяет свойства, структуру и характер существования материи².

Понятие, являясь формой мышления, в отечественной философии рассматривается как процесс³. В науке является широко распространённым представление, согласно которому процесс мышления имеет две стадии: распрямление объективной действительности – преобразование её в идеальное; опредмечивание – превращение мысли в объекты⁴. Очевидно, что вышесказанное верно и для правового понятия.

В юриспруденции было замечено, что право, с одной стороны, статично, призвано стабилизировать, упорядочить общественные отношения. С другой – предмет правового регулирования динамичен, изменчив⁵. С этих позиций, разграничивая объективное право и субъективное право,

указывается, что объективное право стабильно, а субъективное подвижно⁶.

В данном случае имеет место несогласованность позиций. Объективное право рассматривается как совокупность общеобязательных норм, установленных государством, тогда как субъективное право определяется как “индивидуализированная норма” применительно к конкретному субъекту права, мера поведения определённого физического или юридического лица. Помимо этого, неясно, как разграничивать норму права и индивидуальное предписание, если, по мнению отдельных авторов, субъективное право предполагает “индивидуализированную норму”, а индивидуальный правовой акт содержит субъективное право⁷.

Кроме того, указанная несогласованность проявляется и в следующем: если под правом понимать (узконормативный подход) только нормы права, то с этой точки зрения индивидуальные (персонифицированные) правила не относятся к праву. Однако если в понятие права включать не только нормы права, но и индивидуальные предписания (субъективное право), которые собственно “индивидуализируют” право, то в этом случае органы правосудия необходимо признать правотворческими органами государства. Но данное положение не соответствует современному российскому законодательству, которое не наделяет суды правотворческими полномочиями. Тем не менее правоприменительные акты содержат индивидуальные предписания. В то же время в законодательстве Российской Федерации акты органов исполнительной власти, в частности рас-

¹ Начальник юридического отдела Правового управления ОАО “Севернефтегазпром” (E-mail: loengreen@mail.ru).

² См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 108; Спиркин А.Г. Основы философии. М., 1988. С. 112.

³ См.: Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967; Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975; Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. М., 1968.

⁴ См.: Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельная система // Журнал рос. права. 2002. № 4. С. 95.

⁵ См.: Дагель П.С. Диалектика правового регулирования в свете ленинского учения о противоречиях // В.И. Ленин о государстве и праве. Сб. статей. Владивосток, 1970. С. 12, 13; Манов Г.Н. О понятиях и определениях в общей теории государства и права // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 73, 74.

⁶ См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 162, 163, 175, 176.

⁷ См.: там же. С. 81, 94, 95, 111, 125.

поряжения, имеют статус правовых документов, состоящих только из индивидуальных предписаний. Отсюда должен следовать парадоксальный вывод: индивидуальные правила поведения, содержащиеся в актах органов исполнительной власти, являются правом, а те же индивидуальные предписания, включённые в акт применения, не являются правом.

Таким образом, мы имеем несколько дилемм как при узконормативном, так и при широком понимании права. Первая дилемма: общее определение права охватывает нормы права и индивидуальные предписания, но концепция применения права не относит предписания, содержащиеся в актах правоприменительных органов, к праву. Вторая дилемма: с одной стороны, общее (“узконормативное”) определение права включает в понятие права только нормы права, с другой – акты, содержащие только индивидуальные предписания, именуются в законодательстве как “правовые”⁸. Эти вопросы требуют своего разрешения, поскольку термин “правовой” неоднозначен.

Норма права, подобно правовому понятию, существует на уровне общества и на индивидуальном уровне. В ходе реализации норма права становится частью правового понятия индивида. Вместе с тем она как часть этого понятия не становится “индивидуализированной нормой” (индивидуальным предписанием). Индивидуальное предписание – самостоятельная абстракция, выводимая логически из нормы права. Правовым это предписание становится только в том случае, когда оно непосредственно, логически связано с нормой права. Если для нормативного правового акта термин “правовой” имеет значение “включающий право”, то для индивидуального правового акта данный термин означает “основанный на праве”. Индивидуальное правовое регулирование не предполагает создания права, оно базируется на нём.

Соотношение между объективным правом и нормой права – это отношение между целым и частью⁹. Объективное право как совокупность взаимосвязанных, формально определённых общих правил поведения, установленных и охраняемых государством, выражено через знаковую систему естественного языка. Соответственно, норма права есть объективированный смысл в

виде социально фиксированных значений слов. Здесь можно говорить о статичной стороне объективного права.

В связи с этим субъективное право нельзя отождествлять с персонифицированным (индивидуальным) правилом поведения. Субъективное право – это нормы права на индивидуальном уровне. Конкретизация нормы права заключается не в том, что она заменяется индивидуальным предписанием (хотя они и похожи), становится субъективным правом, но в том, что индивидуальное предписание связывается с нормой права в правовом понятии. Конкретизация нормы права в правовом понятии на этом уровне предполагает связанность нормы права не только с другими нормами права, но и с абстракциями, отражающими предмет правового регулирования.

На наш взгляд, объективное право и субъективное право – это разные состояния абстрактного “окружения”, с которым норма права связана в правовом понятии (на уровне общества, в общественном сознании и на уровне индивида, в его мышлении)¹⁰. Идеальная ситуация для правового регулирования – это когда норма права на обоих уровнях остаётся неизменной, статичной, ибо назначение права – упорядочить, стабилизировать общественные отношения. Если критерий (норма права), относительно которого предполагается стабилизировать общественное отношение, будет нестабилен, то и само общественное отношение нельзя будет упорядочить применительно к такому критерию (норме права). Адресат нормы права в своем сознании воспроизводит нормативную абстракцию в “социально фиксированном виде”. Разумеется, встречаются отклонения, вызванные разными причинами: уровнем образования, неточностями языковых выражений нормы права в юридическом акте и т.д.

Итак, норма права относительно стабильна на любом уровне: объективном и субъективном. Она не может быть стабильной как часть объективного права и нестабильной на уровне субъективном, поскольку утратит свои регулятивные способности.

Известное в философии соотношение между движением и покоем (покой – момент движения) позволяет рассматривать движение как совокупность состояний (статично), зафиксированных в

⁸ См.: Устав (Основной закон) Омской области // Ведомости Законодательного собрания Омской области. 1995. № 6. Ст. 155; Указ губернатора Омской области “О Правилах подготовки проектов правовых актов” от 8 мая 2003 г. // Омская правда. 2003. 21 мая.

⁹ См.: Явич Л.С. Указ. соч. С. 161.

¹⁰ Мы рассматриваем правовое понятие как динамическую систему абстракций (смыслов), частью которой является норма права (нормативная абстракция) (см.: Белоусов А.А. Правовое понятие: определение и законы его развития // Современное право. 2009. № 4. С. 11–13).

определённый момент времени и при определённых условиях. Необходимо различать результат процесса мышления и сам процесс. При этом нужно учитывать относительный характер результата: его зависимость от конкретных условий существования.

Динамичен предмет правового регулирования, который отражается в правовом понятии. Так, на объективном уровне норма права есть результат правотворческой деятельности, который в обобщённом виде фиксирует отдельные стороны предмета правового регулирования на момент формирования общего правила. При этом фиксируются только те стороны общественного отношения, которые считаются существенными с точки зрения праводателя. Далее, предмет правового регулирования (в том числе и его изменение) в ходе реализации права отражается в понятии в виде совокупности абстракций. В итоге мы имеем несколько состояний предмета правового регулирования: на правотворческом этапе и при реализации права – статическое выражение его динамики. Если в том и другом состояниях существенные стороны общественного отношения не изменяются (повторяются), то для права формально предмет правового регулирования не изменился.

Таким образом, изменчивым компонентом в правовом понятии является не норма права, а совокупность абстракций, выражающих общественные отношения, которые регулирует право. Динамично не право само по себе, а правовое понятие, с помощью которого и осуществляется понимание права. Оно сочетает в себе статику юридической нормы и динамику предмета правового регулирования.

Смысл тезиса о единстве теории (познания) и практики заключается в том, что эти явления, с одной стороны, автономны друг от друга, а с другой – тесно взаимосвязаны. Теория и практика взаимодействуют между собой, и в этом смысле практика имеет познавательную сторону, а теория (познание) – практическую¹¹. В научной литературе подчёркивается, что эта связь неоднозначна¹². Поэтому постулат о том, что практика первична по отношению к теории (познанию) всегда и при любых условиях, – это упрощение данной связи.

Во-первых, этот постулат выражает принцип, всеобщую общественно-историческую законо-

мерность развития познания¹³, т.е. допускается возможность обратного влияния теории на практику: в одних отношениях доминирует практика, в других – теория, но как результат: практика первична по отношению к теории.

Во-вторых, между теорией и практикой нет непосредственной связи. Она опосредована различными формами общественного сознания. Кроме того, теория в любом случае соединяется с практикой через эмпирические знания¹⁴.

В-третьих, связь между практикой и теорией (познанием) конкретизируется через гносеологические функции практики и теории по отношению друг к другу. Прежде всего практика рассматривается как основание для теории (познания) – базисная функция. Именно она является источником информации, которая в последующем обрабатывается теорией. Хотя связь между теорией и “практической информацией” может не быть непосредственной, но в любом случае она имеет место опосредованно. Другими словами, на уровне всеобщего практика первична как информационное основание теории, тогда как при частном рассмотрении эта связь не всегда проявляется непосредственно.

Детерминирующая функция практики по отношению к познанию проявляется в том, что она задаёт общее направление движению познания: от объекта к сущности и от сущности к явлению (объекту). Здесь нужно заметить, что практика влияет на познание через объективную и субъективную стороны: обуславливает смену одних форм, способов познания другими, либо изменяя объект познания, либо влияя на социальные установки, цели исследователя. Вместе с тем субъект познания может руководствоваться установками и целями, никак не связанными с решением проблем практики, что также сказывается на процессе познания. В свою очередь, критериальная функция практики в познании предполагает, что практика является безусловным критерием истины теории на любом уровне.

И наконец, практика выполняет целеполагающую функцию, смысл которой в том, что цель познания (в конечном счёте) – практика. Познание ведётся не ради самого себя, хотя непосредственная цель познания – получение истинного знания, но ради практического воплощения его результатов. Данные функции характеризуют практику как часть познания, его “практическую” сторону.

¹¹ См.: Керимов Д.А. Методология права (Предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 313–316.

¹² См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2000. С. 361, 370.

¹³ См.: там же. С. 368.

¹⁴ См.: там же. С. 369.

Теория (познание), оказывая обратное воздействие на практику, выполняет информационно-отражательную, регулирующую и прогностическую функции. Теория не только перерабатывает эмпирическую информацию (информационно-отражательная функция), но и упорядочивает (регулирующая функция) практику, а также развивает её (прогностическая функция) посредством открытия новых объектов, свойств уже у известных объектов, пригодных для практического использования. Теория определяет перспективы развития практики, ставит перед ней цели освоения имеющихся знаний.

Исходя из изложенного, рассмотрим связь между практикой и теорией (познанием) сообразно с юридической проблематикой.

Основная проблема правоведения, как отмечалось ранее, – это право как особая форма “практического отражения действительности”¹⁵. Известно, что в юриспруденции правотворчество рассматривается в качестве вида юридической практики. Отсюда делается логичный, на первый взгляд, вывод о том, что норма права есть результат правотворчества¹⁶. Вместе с тем по современным представлениям в философии практика – это целенаправленная предметно-чувственная деятельность человека по преобразованию материальных систем¹⁷. Следовательно, результат практики должен быть материальным. В то же время норму права нельзя назвать материальной (веществом)¹⁸.

Ещё один момент. Если практика – движущая сила, основа для познания, то возникает вопрос: каким образом в правовом понятии соотносится норма права как “результат” практики с абстракциями, отражающими свойства предмета правового регулирования, который тоже результат практики? Что в данном случае является движущей силой познания, какой из результатов практики?

Прежде всего необходимо различать практику в широком и узком (гносеологическом) смысле. В гносеологическом плане правотворчество – это

духовно-практическая, но не духовно-предметная деятельность. Термин “духовно-практический” означает “духовную мыслительную деятельность, непосредственно направленную на практику” как элемент познавательного цикла. Ближайшей целью и результатом правотворчества не является преобразование материальных систем (общества). Следовательно, норма права есть результат духовно-практический, интеллектуальный, а не вещественный.

Общественные отношения как предмет правового регулирования отражаются в правовом понятии, соответственно, их изменение ведёт к изменению содержания правового понятия. Здесь необходимо различать правовые понятия, которые образуются и развиваются на стадии правотворчества и на стадии реализации права.

На стадии правотворчества практика выполняет базисную функцию по отношению к познанию (теории) как составной части правотворческого процесса. Информация, требуемая для конструирования нормы права, “поставляется” практикой.

С этой позиции познавательный цикл представляет собой движение от одного состояния практики к другому: $P_1 - Э - Т - ДП - P_2$. Здесь P_1, P_2 – это исходный и новый рубеж практики, $Э$ – эмпирические знания, $Т$ – теоретический уровень познания, $ДП$ – духовно-практическое звено познания. Составными частями любой деятельности (как познавательной, так и практической) являются: объект, субъект, средства, цель, результат деятельности, действия¹⁹. Отсюда видно, что результаты юридической практики являются основаниями познавательного цикла (базисная функция практики) в правотворчестве. Особое значение имеет функция целеполагания.

Общеизвестно, что цель – это предполагаемый конечный результат, существующий в идеальной форме. При этом цель – желаемый результат, который вызван определёнными потребностями, интересами отдельных субъектов, общества в целом. Достижение этого результата позволит удовлетворить нужду индивида, социальной группы, общества. Вместе с тем цели познания и практики не совпадают, хотя и взаимосвязаны. Непосредственной целью познавательного цикла в правотворчестве является создание нормы права.

На базе целей практики формируются непосредственные цели познавательных циклов в правотворчестве. Отсюда очевидно, что целевая абстракция, “поставляемая” практикой право-

¹⁵ Керимов Д.А. Указ. соч. С. 328.

¹⁶ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В 2-х т. Т. 1. М., 2000. С. 328; Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М., 1978. С. 119, 166; Леушин В.И. Юридическая практика в системе социальных общественных отношений. Красноярск, 1987. С. 27, 28.

¹⁷ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Указ. соч. С. 357.

¹⁸ См.: Керимов Д.А. Указ. соч. С. 316, 317. Автор указывает на то, что понимание практики в юридической литературе оторвано от философской её трактовки как духовно-предметной деятельности, направленной на преобразование общественного бытия.

¹⁹ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Указ. соч. С. 361, 370.

творчеству, в правовом понятии выступает логическим основанием (началом) для разработки правотворческих целей. Если цель правотворчества – норма права, идеальный продукт, то цель юридической практики – упорядоченность общественных отношений, изменение социума. В то же время нереализованность целей практики является основанием (детерминирующая функция) для совершения познавательного акта в правотворчестве.

Цель задаёт определённое направление деятельности, упорядочивая её. Цель в правовом понятии является средством упорядочения мыслительного потока, структурирования его содержания. Тем самым связанность целей юридической практики с целями правотворчества обеспечивает влияние практики на содержание и структуру правового понятия на уровне создания права. Создание нормы права – достижение цели правотворчества, тогда как норма права для юридической практики выступает средством упорядочения общественных отношений.

На стадии реализации права базисная функция практики, на наш взгляд, проявляет себя следующим образом.

Во-первых, познавательная сторона при реализации проходит два состояния: распредмечивание и опредмечивание. Эти состояния опосредуются практикой, поведением адресата нормы права, который выступает в двух ролях: субъекта познающего и субъекта действующего. Во-вторых, специфика осуществления права состоит в том, что в начальный момент предмета правового регулирования объективно нет. Общественное отношение создаётся самим адресатом нормы права. Поэтому в правовом понятии он (предмет) может отразиться только как результат действий субъекта правоотношения.

На этапе распредмечивания адресат нормы права формирует цель своей деятельности: осознание своих потребностей в виде интересов, которые модифицируются как конечный результат действий. Цель образуется в правовом понятии адресата нормы права с учётом отражающейся социальной ситуации, в которой он находится в текущий момент. Это – объективные условия практики, ограничивающие произвольность создания целей адресатом нормы права (базисная функция). Адресат нормы права составляет программу будущих действий, необходимых для достижения поставленной цели. При планировании норма права – критерий правильности этих действий. Соотношение нормы права с планируемыми действиями есть акт оценки, совершаемый

на абстрактном уровне. Подчеркнём, что предмет правового регулирования в указанный момент ещё не создан адресатом нормы права.

Опредмечивание предполагает воплощение планируемого в действия адресата нормы права. В этом случае в правовом понятии отражается поведение субъекта права, которое может корректироваться. По мере создания конкретного предмета правового регулирования, его развития содержание правового понятия изменяется в части абстракций, отражающих предмет правового регулирования.

Если адресату нормы права не удаётся достичь своей цели, то это – основание для возникновения в правовом понятии противоречий. Тем самым требуется перестройка содержания правового понятия индивида. В этом смысле движущей силой (детерминирующая функция) выступает не норма права, а практика, деятельность самого адресата нормы права, а также те объективные условия, в которых он действует. Адресат нормы права “вписывает” свои действия в систему общественных отношений, которая сложилась объективно. Через норму права на этапе её реализации познание (теория) осуществляет регулируемую (средство упорядочения) и прогностическую (средство развития) функции. Вместе с тем независимо от того, какую роль (функцию) познания выполняет норма права, для адресата нормы права предмета правового регулирования не существует заранее. Он сам создаёт через свои действия конкретное правоотношение. Поэтому различить указанные функции можно только на уровне общества, а не на индивидуальном уровне. Так, если общественные отношения уже существуют в социальной системе, то индивид воспроизводит стандартные отношения (регулирующая функция). Если же норма права содержит в себе модель общественно-го отношения, которого нет в данной социальной системе, то индивид создаёт новое отношение, развивая социальную практику (прогностическая функция).

Как итог, можно заключить, что содержание правового понятия на уровне правотворчества и на уровне реализации права обусловлено социальными потребностями, интересами, выраженными как цели. Наличие целевых абстракций в правовом понятии упорядочивает его движение, придавая определённое направление.

Общее определение понятия “структура” указывает на относительную устойчивость совокупности связей между элементами (компонентами)

системы²⁰. Относительная устойчивость трактуется обычно с учётом положений закона перехода количественных и качественных изменений. Структура любой системы остаётся неизменной до тех пор, пока количественные изменения, происходящие в данной системе, не достигнут “критической точки” (меры), после чего происходит изменение качества самой системы и её структуры²¹.

Связь между структурой и элементами системы определяется следующими положениями. С одной стороны, структура и принцип её организации рассматриваются как внутренняя форма явления²². С другой – диалектика отношения формы и содержания предполагает, что форма в своём развитии отстаёт от содержания, а последнее обуславливает её развитие. Но это не исключает того, что с помощью формы можно изменять содержание, развивать его в нужном направлении²³. Вместе с тем, воздействуя на содержание через форму, нельзя создать того, чего нет в самом содержании потенциально²⁴.

Обратим внимание на то, что внутренняя форма предполагает наличие принципа (способа) организации структуры. Следовательно, если изменить принцип организации, то изменится и внутренняя форма явления, а также и его содержание.

В отечественной теории права философские проблемы соотношения *формы и содержания* нашли своё отражение в следующих научных позициях. В одних случаях авторы полагают, что право имеет юридическое, классово-волевое, материальное содержание²⁵, в других – право наделяется экономическим, политическим, идейным содержанием²⁶. К содержанию права также относят не только классово-волевое, но и фак-

тическое, и интеллектуальное начала²⁷. Многие авторы высказываются в том плане, что содержанием права является воля государства, народа или господствующего класса²⁸. Имеет место и точка зрения, согласно которой под содержанием права понимают модель общественного отношения или поведение субъектов права²⁹.

В свою очередь, к внешней форме права обычно относят нормативный правовой акт или источники права в формальном смысле³⁰. Вместе с тем относительно вопроса о внутренней форме права было высказано несколько точек зрения. Часть авторов рассматривает в качестве внутренней формы права структуру нормы права³¹. Есть мнения, в соответствии с которыми внутренней формой считается либо система права в целом³², либо юридическая норма³³. Было также заявлено о множественности форм выражения содержания права³⁴.

Полагаем, что при решении указанных проблем требуется логически разграничить вопросы, касающиеся права в целом (как системы) и нормы права как элемента указанной системы, а также исходить из различия идеального и материального. В то же время изучение объекта с точки зрения положений о соотношении формы и содержания возможно с двух сторон. Первый подход (сторона) предполагает исследование объекта вне взаимосвязи его с другими объектами (абстрагирование), т.е. как самостоятельное явление в единстве формы и содержания. Второй способ, обратный первому, когда объект рассматривается во взаимосвязи с другими явлениями³⁵.

С этих позиций норма права – это идеальное образование, правило поведения, установленное государством. В мышлении человека (идеальная

²⁰ См.: Спиркин А.Г. Основы философии. М., 1988. С. 179; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 61, 62; Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 14; Зиновьев А.А. Очерки комплексной логики. М., 2000. С. 59, 60.

²¹ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. С. 462.

²² См.: Керимов Д.А. Указ. соч. С. 189; Зиновьев А.А. Указ. соч. С. 59, 60; Алексеев П.В. Панин А.В. Указ. соч. С. 472.

²³ См.: Спиркин А.Г. Указ. соч. С. 231, 232.

²⁴ См.: Керимов Д.А. Указ. соч. С. 182.

²⁵ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 136; Иоффе О.С. О форме и содержании социалистического права // Вестник Ленинград. ун-та. Вып. 2. 1959. № 11. С. 85.

²⁶ См.: Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959. С. 25.

²⁷ См.: Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 44.

²⁸ См.: Керимов Д.А. Указ. соч. С. 179, 180; Шебанов А.Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 15, 17, 21; Спасов Б. Закон и его толкование. М., 1986. С. 219.

²⁹ См.: Кудрявцев Ю.В. Норма права как социальная информация. М., 1981. С. 108; Фарбер И.Е. О сущности права. Саратов, 1959. С. 21.

³⁰ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 2. М., 1981. С. 194; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 134, 135; Кашианина Т.В. Правовые понятия как средство выражения права // Сов. гос. и право. 1981. № 1. С. 41; Керимов Д.А. Указ. соч. С. 183.

³¹ См.: Керимов Д.А. Указ. соч. С. 183, 189; Спасов Б. Указ. соч. С. 219.

³² См.: Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 17; Шебанов А.Ф. Указ. соч. С. 23.

³³ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 134.

³⁴ Шейндлин Б.В. Указ. соч. С. 95.

³⁵ Шебанов А.Ф. Указ. соч. С. 12–14.

плоскость) она (норма) существует как часть правового понятия. Внутренняя и внешняя формы нормы права совпадают, поскольку она является элементом системы и выражается как фрагмент абстрактного (структурного) ряда правового понятия. Норма права не материальна.

В то же время нормативный правовой документ – материальный объект. С точки зрения анализа объекта в материальной (физической) плоскости содержанием (то, что входит в материальный объект) нормативного правового документа являются текст и реквизиты этого акта. Соответственно, данное содержание (текст) имеет свою форму.

Внутренняя форма содержания документа – это его структура, которая есть результат упорядочения текста на основе определённого способа организации³⁶. Наиболее распространённым способом упорядочения текста нормативного правового акта является принцип расположения его частей от общего к частному. Но текст может быть упорядочен и на основе других принципов (от частного к общему и т.д.). Внешняя форма документа – это носитель (бумажный, электронный и т.п.) текста.

Таким образом, с одной стороны, мы имеем норму права – идеальный объект со своим содержанием и соответствующей ему формой, с другой – текст (систему графических знаков, выражений) – материальный объект, также имеющий своё содержание и соответствующую ему форму.

В научной литературе указывают на то, что текст является именно формой обозначения, но не формой выражения во вне идеального³⁷, т.е. материальный объект (слово, выражение, текст) обозначает другой, идеальный объект (мысль). В этой связи представляется, что между текстом правового документа (материальное явление) и нормой права (идеальное явление) нет отношения содержания и формы. Поясним утверждение.

Во-первых, одна и та же мысль может быть объективирована через различные языковые си-

стемы³⁸. Во-вторых, это разнородные явления: идеальное и материальное. Так, с позиции положения о том, что содержание того или иного явления выступает как форма для другого явления, рассматриваемая ситуация невозможна³⁹, т.е. если бы знаковая языковая система была внешней формой существования нормы права, то тогда следовало бы признать, что смысл (идеальное) меняет непосредственно материальное содержание знака (текста). Данные явления связаны, но эта связь не лежит в области генезиса. Очевидно, что философские положения о взаимозависимости между содержанием и формой применительно к отношениям “идеальный и материальный объекты” имеет ограниченное значение. Связь между нормой права и текстом не генетическая, а функциональная: здесь имеет место отношение соответствия между объектами – и не более того.

Что касается содержания, то нельзя вести речь о наличии нескольких содержаний у одного и того же феномена. Содержание у предмета, явления одно, поскольку иное содержание предполагает и иную форму, а отсюда и другой предмет (явление). Поэтому здесь необходимо говорить не о множественности содержаний права, а о множественности подходов к его исследованию. Праву могут даваться характеристики с различных позиций, что позволяет выявлять различные показатели, отражающие его содержание со стороны качественной и количественной определённости.

Норма права не может в буквальном смысле содержать в себе общественные отношения. Норма права – это общее правило поведения, идеальный образ такого отношения, но образ и само социальное отношение не тождественны. Однако экономические, политические и прочие характеристики относятся к системе права в целом, а не к отдельно взятой норме права, поскольку последняя не тождественна системе права. Только система права в целом содержит нормы права, отражающие различные общественные отношения (политические, экономические и т.д.).

³⁶ В научной литературе известно классическое определение внутренней формы, под которой понимаются структура объекта и принцип (закон) организации данной структуры.

³⁷ См.: *Зиновьев А.А.* Указ. соч. С. 21–23; *Его же.* Фактор понимания М., 2006. С. 16–20. В юридической литературе термин “правовое предписание” употребляется в нескольких значениях (см.: *Бабаев В.К.* Указ. соч. С. 174; *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. С. 81–83). Нормативное предписание нами рассматривается как единство нормативного высказывания (формы обозначения мысли) и нормы права (мысли).

³⁸ В мире существует множество естественных языковых систем, где одна и та же мысль имеет различное графическое изображение. Например, слово “стол” в русском языке и то же самое значение, но “table” в английском. По логике одно и то же содержание в одних и тех же условиях должно иметь одну и ту же форму существования. Кроме того, создаются искусственные языки: любой индивид может создать систему символов, обозначающих те или иные предметы, в том числе и слова. Произвольность такого обозначения не даёт оснований согласиться с тем, что знаковая система есть внешняя форма идеального.

³⁹ См.: *Шебанов А.Ф.* Указ. соч. С. 12.

Исходя из сказанного, уточним тезис, что “право имеет социальное содержание”, который, в сущности, выражает взаимозависимость между социальными отношениями и правом. Обусловленность правового понятия и нормы права социальными отношениями схематично выглядит так:

на уровне правотворчества: социальные отношения (практика) → правовое понятие → текст нормативного правового акта;

на уровне реализации права: текст нормативного правового акта (социальная ситуация) → правовое понятие → поведение индивида (социальные отношения).

Взаимосвязь между явлениями предполагает установление связи их содержаний через форму (внешнюю форму). В соответствии с этим уточним положение об обусловленности содержания правового понятия потребностями и целями социальной практики. При этом заметим, что практика (социальные отношения) выполняет детерминирующую функцию по отношению к правовому понятию. Этот механизм основан на постановке целей в правовом понятии.

Итак, цель задаёт определённое направление движения правового понятия. Цель “указывает” не начало пути, а его конец (конечный результат), соответственно, – это точка окончания абстрактного ряда в правовом понятии. Другим моментом этого способа упорядочения является то, что цель как абстракция, отражающая конечный результат действий, должна стоять в конце абстрактного ряда, а не в его начале как основание. В то же время процесс планирования предполагает сначала постановку целей, а затем разработку последовательности действий, которые должны привести к достижению цели.

Цель обуславливает выбор логических оснований для построения структуры (связей между абстракциями, абстрактными рядами) правового понятия. На стадии реализации права такими логическими основаниями выступают нормы права, в которых содержится “программа” будущих действий субъекта права. В условиях же правотворчества стоит задача создать такую “программу”. Поэтому в качестве логических оснований построения абстрактных рядов могут быть политические, экономические и прочие мотивы, представленные в правовом понятии как абстракции.

Поскольку абстракция (в том числе норма права) есть минимальная часть правового понятия, логически неразложимая далее, то внутренняя и внешняя её формы совпадают со структурными (абстрактными) рядами самого правового поня-

тия. Внутренняя форма нормы права – это фрагмент структурного (абстрактного) ряда правового понятия.

Отсюда следует, что изменение структуры абстрактного ряда в правовом понятии ведёт к изменению и внутренней формы нормы права (абстракции), входящей в соответствующий ряд. Цель выступает основанием упорядочения структуры абстрактного ряда в правовом понятии. В результате получаем следующую цепь: изменение “практических” потребностей индивида (социальной группы, общества) приводит к смене целей, как следствие, изменяется и упорядоченность ряда, а значит, происходит и изменение абстракции, её содержания.

Таким образом, с учётом диалектики перехода содержания и формы “социальное содержание” (будущий результат практики, общественные отношения) через цель (идеальное) влияет на внутреннюю форму правового понятия, его структуру (абстрактные ряды, основанием упорядочения для которых является целевая абстракция).

Рассмотрим обосновываемое нами положение о зависимости смысла норм права от целевых установок, существующих в правовом понятии субъекта применения, на примере постановления Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» от 21 декабря 2005 г. Так, если взять в качестве цели толкования Конституции РФ необходимость обоснования положений об отмене прямой выборности высших должностных лиц субъектов Федерации, то подбор правовых оснований выглядит в виде следующего абстрактного ряда.

Российская Федерация – демократическое, федеративное, правовое государство (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ). Единственным носителем и источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ (ст. 3). Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию, а федеральные законы имеют верховенство на всей территории России (ст. 4, 15). Федеративное устройство Российской Федерации основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и государственными органами субъектов Федерации. Далее следует положение

(выводится из преамбулы (цели) Конституции РФ и вытекающего из Основного Закона требования о балансе конституционно защищаемых ценностей и общенациональных интересов), согласно которому Российская Федерация на каждом этапе своего развития самостоятельно корректирует государственно-правовой механизм. Это полномочие, по мнению Суда, обусловлено принадлежностью суверенитета Российской Федерации в целом, а не её субъектам.

Отсюда делается вывод о том, что Конституция РФ “в целях уравнивания основ российской государственности” допускает возможность различных вариантов наделения полномочиями органов и должностных лиц публичной власти. Поэтому с учётом международных правовых актов, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, федеральный законодатель вправе избирать наиболее эффективные и соразмерные конституционным целям механизмы организации государственной власти.

Как можно видеть, при обосновании решения из логического ряда указанного постановления “выпали” нормы, предусмотренные ст. 2, 55 Конституции РФ, тем самым конституционные нормы, положенные в обоснование принятого решения, приобрели иное значение (смысл), соответствующее целям толкования. В свою очередь, эти нормы (ст. 2, 55 Конституции РФ) используются конституционным судьей А.Л. Кононовым при обосновании своего особого мнения, т.е. если указанные правила (ст. 2, 55) включить в качестве оснований формирования абстрактного ряда правового понятия, то получаются выводы, противоположные выводам, сделанным Судом⁴⁰. Но для этого нужна другая цель: установить смысл конституционных положений применительно к конкретной ситуации, т.е. осуществить юридическую квалификацию. В этом случае в силу того, что права и свободы граждан являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), соответственно, устанавливается приоритет прав граждан над правами государства. Одновременно ст. 55 Конституции РФ прямо запрещает принимать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Следовательно, право граждан избирать (быть избранными) высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации ограничивает (в силу приоритетности) право

федерального законодателя по принятию нормативного правового акта, отрицающего данное право.

В то же время Конституционный Суд РФ в п. 7 вышеозначенного постановления, чтобы исключить применение ст. 2 и 55, отрицает право граждан участвовать в выборах высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, мотивируя тем, что данное право не предусмотрено Конституцией РФ и его нет в числе общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, т.е. сам факт принятия федерального закона об избрании высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не является общепризнанным с точки зрения Конституционного Суда РФ. Из постановления очевидно, что в качестве критерия “общепризнанности” прав и свобод человека и гражданина избраны не ординарные федеральные законы, а международные правовые акты (Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Всеобщая декларация прав человека).

На наш взгляд, относительная устойчивость структуры правового понятия обеспечивается следующим.

Во-первых, в силу того что норма права имеет общий характер, в ней фиксируются только общие, повторяющиеся (устойчивые) признаки общественного отношения. Это обеспечивает относительную устойчивость нормы права в правовом понятии. Одновременно несущественные, неповторяющиеся (случайные, нетипичные) изменения предмета правового регулирования не приводят к изменению нормы права, к противоречию с ней, поскольку формально они “не существуют” для неё (новые признаки не отражены в норме права, следовательно, не имеют нормативного значения).

Во-вторых, если изменения в предмете правового регулирования существенны и затрагивают признаки, зафиксированные в норме права, то возникает несоответствие между нормой права и абстракциями, отражающими предмет правового регулирования.

В-третьих, социально фиксированные значения терминов (слов) представляют собой относительно устоявшиеся смыслы. Соответственно, можно говорить об устойчивости их структуры и содержания. Вместе с тем каждый термин (слово) имеет несколько смысловых значений, социально зафиксированных. Как отмечается в научной литературе, есть множество причин существования

⁴⁰ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1; Саликов М. “Позиции” и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: до и после решения по делу о назначении губернаторов // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2 (55). С. 160–166.

этого явления⁴¹. Главная же причина кроется в динамике социальной практики: выявление новых сторон, свойств у уже известных предметов, создание или открытие новых объектов и т.д.

Таким образом, изменение целей индивида приводит к перестройке структуры правового понятия через изменение оснований её упорядоченности. Данную мысль можно выразить в виде принципа динамичности правового понятия, суть которого в том, что структурные связи между абстракциями в правовом понятии подвижны и изменчивы в зависимости от познавательных целей и потребностей общественной практики, что обуславливает подвижность содержания самих абстракций.

⁴¹ См.: *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 49.

Динамично само правовое понятие, которое сочетает в себе статику нормы права и динамику предмета правового регулирования. Потребности практики субъектов права – основание изменения целей, через которые происходит формирование структуры правового понятия.

В результате принцип динамичности отражает зависимость структурной организации правового понятия от познавательных целей, которые выступают в виде целевых оснований для формирования и изменения структурных связей между абстракциями и, соответственно, качественного изменения указанных элементов и содержания самого правового понятия. Принцип динамичности правового понятия также выражает взаимосвязь между движением социальной практики и развитием содержания и структуры правового понятия.